

В основе моего понимания истории послевоенной социологии лежит оппозиция естественного и неестественного (несвободного, подконтрольного, регламентированного сверху) процессов возникновения и развития социальных наук. В СССР господствовала неестественная форма существования социологии (по аналогии с другими сферами), знаменовавшая собой полную зависимость ученых и администраторов науки от власти, прежде всего партийной и государственной. Вмешательство режима в деятельность профессионального сообщества было постоянным, оно стало предпосылкой ущемленного состояния науки и всех ее компонентов...

Б.М. Фирсов

От автора

За время, прошедшее после выхода в свет первого издания моей книги в 2001 г., российскими учеными было сделано чрезвычайно много для всестороннего познания истории русской (дореволюционной), советской и российской (постсоветской) социологии. Их новые работы позволили основательно углубить понимание путей развития нашей дисциплины за весь период ее существования — начиная со второй половины XIX в. и до наших дней.

Назову некоторые из этих научных публикаций: *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003. Т. 1–2; 2005. Т. 3–4; *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризисных структурных изменений в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свицерски. М.: Академический проект, 2005. С. 6–107; *Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2004; *Голосенко И.А.* Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Избранные произведения в 2 книгах. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002; *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева; 2003. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (1); 2005. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (2); *Здравомыслов А.Г.* Социология в современной России // Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008а. С. 106–211; *Левада Ю.* Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006а; *Осинов Г.В., Москвичев Л.Н.* Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008; *Полвека борьбы и свершений.* М.: Вече, 2008; *Свешникова О.* Юбилей Геродота: шестидесятилетнее прошлое в зеркале современной социологии // НЛО. 2009. № 98. С. 97–110; *Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свицерски.*

М.: Академический проект, 2005; *Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине XX века* / Под ред. А.О. Бороноева. СПб., 2008; *Экономическая социология в России. Поколение учителей* / Сост. и отв. ред. В.В. Радаев. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008; и др.

Поле изучения прошлого отечественной социологии интенсивно расширяется. Ныне профессиональное сознание уверенно включает сюда (помимо «традиционных» сюжетов, еще 10 лет назад поражавших своей необычностью и новизной) процессы, отражающие состояние и развитие социальных наук; метаморфозы важнейших направлений исследований; истории научных школ; профессиональные и жизненные, социально-личностные и творческие поиски научных коллективов, групп и отдельных ученых. Исторические главы и разделы стали неотъемлемой частью общих учебников и пособий по социологии, а также монографий, посвященных теории, методологии и методам социологических исследований.

Творческим вкладом в изучение прошлого социологии являются интеллектуальные автобиографии и воспоминания российских социологов, опубликованные в последние годы: *Заславская Т.И. Моя жизнь: воспоминания и размышления* // Избранное. Т. 3. М.: ЗАО «Экономика», 2007; *Кон И.С. 80 лет одиночества*. М.: Время, 2008; *Кугель С.А. Записки социолога*. СПб.: Нестор-История, 2005; *Руткевич М.Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX века)*. М.: Центр социального прогнозирования, 2003; *Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории*. Самара, 2000; *Шляпентох В.Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом*. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007; *Яницкий О.Н. 1) Семейная хроника (1852–2002)*. М.: Изд-во LVS, 2002; 2) *Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии*. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009; и ряд др.

По смыслу и содержанию к названным публикациям примыкают коллективные труды: *Vivat, Ядов!* К 80-летию юбилею: Сборник. М.: Новый хронограф, 2009; *Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде* / Сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010; *Открывая Грушина* / Ред. сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Изд-во Московского университета, 2010; *Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде* / Сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010; *Памяти Юрия Александровича Левады* / Сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Социолого-мемуарная литература обладает громадным познавательным потенциалом. Сквозь призму жизненного и научного опыта

авторов воспоминаний становится понятным и зримым не только рождение дисциплин и направлений (в случае И. Кона это история социологии, социология личности, психология юношеского возраста, этнография детства, сексология; в случае с Т. Заславской — это экономика и социология деревни, экономическая социология). Особое значение биографии и воспоминания социологов имеют для понимания нашего советского прошлого, которое цепко держит в своих далеко не ласковых руках громадные массы людей, представляющих все поколения, вышедшие на историческую арену.

Важным средством обновления источниковой базы стал интернет. Назову, прежде всего, сайт Фонда «Международная биографическая инициатива» (IBI) (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>), созданный усилиями наших соотечественников, работающих и живущих сейчас за рубежом: Бориса Докторова (профессор, независимый исследователь, США) и Дмитрия Шалина (профессор, университет штата Невада в Лас-Вегасе, США). Особо отмечу титанические усилия Б. Докторова, связанные с развитием жанра биографического интервью. Современная техника позволила преодолеть Атлантический океан, разделяющий США и Россию, и создать условия для полноценных диалогов Б. Докторова с представителями различных поколений российских социологов.

Заметно усилилась роль научной периодики. Журналы, в первую очередь «СОЦИС», «Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Мир России», «Социальная реальность», «Новое литературное обозрение», существенно расширили представления о прошлом русской, советской и российской социологии. Их исторические рубрики открывают доступ к малоизвестным фактам и событиям истории нашей науки. Особо плодотворными представляются усилия петербургского издания «Телескоп — журнал социологических и маркетинговых исследований». Раздел «Современная история российской социологии» появился в нем в 2004 г. (№ 4), и с той поры все номера журнала, выходящего 6 раз в год, содержали материалы на эту тему. Эстафету подхватили академические институты. Институт социологии РАН опубликовал на своем сайте документы Юбилейной сессии, посвященной 50-летию со дня основания Советской социологической ассоциации и 40-летию первого академического института социологии (см.: http://www.isras.ru/index.php?page_id=688). Интересным кажется цикл бесед с учеными-гуманитариями «Взрослые люди» (см.: <http://www.polit.ru/story/vzr.html>).

Такое изобилие новых сведений лишь подтвердило актуальность многих черт и характеристик отечественной социологии, выявленных ранее, в частности не изменило значения ее советского периода. Советское прошлое по-прежнему с нами, его постоянные рецидивы и вспле-

ски напоминают о том, что былое не следует забывать. Независимость любой науки от власти остается условием ее успешного развития и в изменившихся макросоциальных обстоятельствах. По этой причине я не изменил версию истории, предложенную в 2001 г., решив, что она нуждается в уточнениях и дополнениях, но не подлежит ревизии под влиянием переживаемого нами времени и новых фактов о прошлом отечественной социологии, которые стали известными в результате исторических разысканий последнего десятилетия.

Готовя второе (дополненное и переработанное) издание, я сделал акцент на комментариях и документальных иллюстрациях к «каноническому» тексту, написанному ранее, не забыв исправить опечатки и неточности. Дополнения, если они имели место, были связаны с ликвидацией немалого числа «белых пятен», лакун в моем первоначальном повествовании. Так, появился новый раздел, целиком посвященный контактам западной и отечественной социологии, без которых последняя не могла бы стать частью мировой науки. Я счел необходимым резюмировать каждый основной раздел книги, с тем чтобы облегчить читателям мониторинг движения отечественной социологии в историческом времени. Особое внимание было обращено на заключительную часть книги, где, помимо гамбургского счета нашей дисциплине, выставленного в конце советской истории, предпринимается попытка проанализировать качества научной среды, с которыми социология вошла в новый, российский период своей истории. Именно эту среду предстоит усовершенствовать социологам новой России, единственным правопреемникам их советских предшественников.

Сама среда, в свете исследовательских данных последних лет, предстает далеко не однородной, в сильной степени сегментированной. Силы сцепления между этими сегментами отсутствуют, как и отсутствуют реальные лозунги для интеграции социологического сообщества, объединенного формальной принадлежностью к одному профессиональному цеху, но разъединенного различием интересов и устремлений его сегментов (частей). Какая из сил (центробежная или центроостремительная) при этом возобладает — вопрос для меня открытый, но не лишенный остроты и актуальности по причине, которая корнями уходит в долговременные структуры российской ментальности и в советское прошлое, в котором наука была жертвой «разрешительного характера» развития, установленного партийно-государственной властью.

Доктор философских наук и мой учитель *В. Ядов* (Институт социологии РАН) и кандидат социологических наук *Е. Здравомыслова* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) взяли на себя, как и при подготовке первого издания моей книги, тяжкое бремя рецензентского труда. Сердечное спасибо им, а также моим российским и зарубежным

коллегам — кандидату философских наук *А. Алексееву*, доктору философских наук *Б. Докторову*, академику РАН *Т. Заславской*, доктору философских наук *С. Кугелю*, доктору философских наук *Л. Столовичу*, доктору философии (Ph.D.) *Д. Шалину*, профессору *Т. Шанину*, кандидату философских наук *Ф. Шереги*, профессору *В. Шляпентоху*, с которыми я постоянно сверял свое понимание прошлого, настоящего и будущего отечественной социологии. Смерть, над которой мы не властны, вырвала из этой благорасположенной ко мне среды доктора философских наук *И. Кона* и доктора философских наук *А. Здравомыслова*. Благодарная память о них, ушедших навеки, будет моим неизменным спутником на всю оставшуюся жизнь.

Особой благодарности заслуживают преподаватели и слушатели факультета политических наук и социологии ЕУСПб, чей неподдельный интерес к истории советской социологии повлиял на мою решимость написать эту книгу в 2001 г., а затем переиздать ее спустя десятилетие.

Благодарю от всего сердца сотрудников ректората, издательства и библиотеки ЕУСПб. Их поддержка, помощь и участливое отношение к моим авторским занятиям заметно ускорили переиздание книги.

Как и 10 лет назад, вновь бесценную помощь мне оказали редактор книги *Е.И. Васьковская* и референт *Н.А. Иванова*, а также *А.Д. Гроздилова*, составившая Именной указатель, за что я выражаю им свою глубокую признательность.

Б.М. Фирсов
Январь 2012 года

Очерк 1¹

НЕСКОЛЬКО ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА ПРОШЛОЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1.1. Вступительное замечание

В качестве стартовой отсылки к наблюдениям и опыту других социологов сошлюсь на В. Ядова. Выступая на конференции по истории ленинградской социологической школы в сентябре 1994 г., он сказал следующее: «...у нас в институте, в Москве, вместе с “Социологическим журналом” мы проводили круглый стол по истории советской социологии, где собрали ведущих социологов. Участвовало человек пятнадцать, и надо сказать, что не было и двух человек, которые были бы солидарны в понимании прошлого. Один видел это как диссидентство. Другой — как науку, которую приручала партия. Третий — как борьбу разных школ внутри сообщества. Четвертый говорил, что социологи, как собаки, делятся на служебных, охотничьих и декоративных. Мое выступление свелось к тому, что никто историю социологии правдиво не напишет: она видится с разных точек зрения по-разному» (Ленинградская социологическая школа 1998: 14–15).

Я был участником этого круглого стола, и, насколько помню, вопрос Ядова (возможно ли написать подлинную историю науки?) стал одним из центральных в ходе развернувшейся дискуссии. Сошлись на том, что дело это чрезвычайно трудное. И вовсе не потому, что люди могут исказить правду, или потому, что не удастся добраться до архивных «залежей». Субъективизм представлений до известной степени преодолевается путем наложения и сопоставления разных точек зрения. Что касается архивных данных, то их рано или поздно открывают не только для исследователей, но и для широкой публики. Наибольшая трудность

состоит в выборе схемы, а не в буквальном воссоздании того, кто, какое слово и где сказал (Российская социологическая традиция 1994: 30, 34).

Ядро возможной схемы, какой она видится мне в результате долгих размышлений и постоянных обращений к опыту жизни в социологической науке, начавшейся в середине 60-х гг., — социальный и социально-политический контексты развития советского общества, усиливающиеся во времени столкновения партийно-государственных структур и интеллектуальной мысли. С тех же позиций, кстати сказать, следует смотреть и на современную (постсоветскую) социологию. Ее роднит с советской социологией неостребованность со стороны власти, которая ныне уже не тоталитарная, а претендующая на право называть себя демократической.

Такой истории пока нет, но именно ее следует создавать и адресовать молодым российским обществоведам, которые никогда в руках не держали советский паспорт. В качестве приближения к этой цели хочу предложить три сюжета.

Один из них — документальный рассказ о том, как пораженная в правах наука обрела статус полноценной научной дисциплины в условиях хрущёвской «оттепели» и брежневского «застоя»². Отношение высшего политического руководства страны к формирующейся науке было неоднозначным. Социологию числили «прикладной дисциплиной», обязанной сообразно этому «званию» руководствоваться исключительно канонами исторического материализма. Использование социологами понятий и теорий, выработанных мировой социологической мыслью, рассматривалось тогда партийными догматиками не иначе как «сдача идеологических позиций», «протаскивание» в советскую социологию идей «буржуазной социологии».

² После выхода первого издания книги некоторые из коллег, в частности профессор Венского университета М. Фюельзак (Манфред Фюельзак (нем. Manfred Fuelsack; род. 1960, Вена) — австрийский социолог; последователь Никласа Лумана. Преполагает в Венском университете социологию, философию, историю труда и другие дисциплины), упрекнули меня в том, что, описывая историю возрождения социологии в постсталинский период, я немотивированно остановил документальный рассказ на 1971 г. и резко изменил дискурс, обратившись к субъективным версиям процесса. Он полагал, что было бы правильнее сначала создать скелет (схему) развития социологии вплоть до краха советского общества, а затем оснащать эту схему фактическим материалом, почерпнутым из различных документальных и личных источников. Смягчить этот упрек помогли мне события, связанные с празднованием в 2008 г. 60-летия Советской социологической ассоциации (ССА) и 50-летия Института социологии РАН. К этим примечательным датам было приурочено издание ряда новых публикаций, в том числе книги (см.: Осипов, Москвичев 2008), для которой профессор Л.Н. Москвичев подготовил очередное, третье по счету, собрание документов ЦК КПСС и Президиума АН СССР, относящихся к 1973–1984 гг. Это позволило мне довести документальную версию истории советской социологии до начала перестройки.

Еще один сюжет — периодизированная история советской социологии как функция ее отношений с властью. Основной источник, послуживший для разработки этой версии, — длительные наблюдения профессионального социолога, вынужденно покинувшего СССР в 1979 г.³

И последний сюжет — все та же наука, но глазами социологического сообщества, которое получило возможность непредвзято, независимо от власти подвести итоги пути, пройденного от начала реабилитации науки до наступления перестроечных перемен. Все три сюжета имеют дело с одним и тем же объектом, представленным в трех связанных между собой измерениях. Выражением этой связи является изменчивая во времени, конъюнктурная политика партии и государства по отношению к социологии.

1.2. Документальные выдержки из «дела о реабилитации» советской социологии

Документы и материалы ЦК КПСС, Президиума АН СССР, ряда других ведомств отражают медленный и осторожный процесс реабилитации социологии, которая утратила свои позиции в результате целенаправленных репрессий в довоенные годы (Социология и власть 1997, 2001; Осипов, Москвичев 2008). Процесс реабилитации растянулся, она проходила с большими сложностями на фоне многолетних аппаратных игр. Как это происходило, будет показано ниже с сохранением хронологического порядка документированных событий.

1953 год

Первые события имели место вскоре после смерти Сталина. АН СССР опасалась заметного и быстрого признания науки, находившейся под многолетним запретом. Поэтому когда Международная социологиче-

³ Ряд коллег считали, что личные свидетельства В. Шляпентоха следовало бы для обоснования предлагаемой периодизации сопоставить с аналогичными свидетельствами других социологов. Мое высокое доверие к выбранной версии определено многолетним знакомством с этим ученым и верой в его человеческие и профессиональные достоинства. «Он всегда был окружен своими аспирантами, относившимися к нему как к искреннему и высокоморальному человеку... и настоящему ученому, поражавшему широкой научной эрудицией и настоящей профессиональной этикой» (Шереги 2006: 9–10). Покинув не по своей воле Отечество в середине 1980-х гг., он был первым советским социологом, кто посмотрел правде в глаза и написал неподцензурную версию возрождения социологической науки в постсталинское время. Сомневаться в ней у меня, как и у многих моих коллег-социологов, нет никаких оснований.

ская ассоциация (МСА) приняла решение провести в 1954 г. очередной, II Всемирный конгресс социологов в г. Льеж (Бельгия) и известила об этом Академию наук СССР, Президиум АН отклонил приглашение участвовать в Конгрессе. Причина отказа от участия — по мнению Президиума АН, программа Конгресса была насыщена вопросами, не представлявшими интереса для советских ученых (речь шла об изменениях социального состава населения, юридической технике разрешения конфликтов и др.). Она не являлась актуальной, поскольку была оторвана от насущных проблем современной жизни и борьбы за мир. К тому же МСА была детищем «ЮНЕСКО», в деятельности которой СССР участия не принимал (Социология и власть 1997: 15 — **Документ 1.0.** *Записка АН СССР о приглашении Международной ассоциации социологов принять участие в работе II Всемирного конгресса социологов в г. Льеж (Бельгия). 27 августа 1953 г.*).

Прежде чем отказаться от участия в Конгрессе, законопослушная Академия заручилась согласием ЦК КПСС на то, чтобы социологи «остались дома» (Там же: 16 — **Документ 1.1.** *Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС с согласием секретаря ЦК КПСС о нецелесообразности участия АН СССР на II Всемирном конгрессе социологов. 5 сентября 1953 г.*).

1955 год

Известие об очередном, III Конгрессе МСА (1956 г., Амстердам, Нидерланды), где предполагалось обсуждение проблем социальных изменений в XX в., вызвало более определенную реакцию. Президиум АН СССР счел целесообразным принять приглашение и обратился в ЦК КПСС за разрешением направить в Амстердам делегацию, поскольку «участие наших ученых в конгрессе дает возможность, с одной стороны, лучше узнать наших идейных врагов, а с другой — установить связи с теми буржуазными учеными, которые придерживаются прогрессивных взглядов в области социологии». При этом констатировалось, что неучастие в таких мероприятиях приводит к распространению клеветнических измышлений в отношении советского общества (Там же: 19–20 — **Документ 2.2.** *Записка АН СССР о повторном приглашении принять участие в работе III Международного конгресса социологов. 7 октября 1955 г.*). Президиум ЦК КПСС разрешил участвовать в Конгрессе, но поручил Президиуму АН СССР рассмотреть тексты докладов и представить в ЦК состав делегации.

1957 год

Президиум АН СССР, соблюдая все правила обращения в высокие партийные инстанции, внес предложение о создании Советской социологи-